

Утье Буханг.

Я сидел в обшарпанной комнате, положив голову на колени и едва дыша от нависающих обойных лохмотьев. Комнату некогда создал безымянный строитель Некто, но отремонтировать её руки-ноги так и не дошли. Я открываю один глаз, и в мерцании прыгающего с утра солнечного зайчика вижу его. А имя ему — Утье Буханг, по крайней мере, он сам так представляется всем кто его лицезреет. Он маленький, пушистый и катается на роликовых коньках — и это всё, что я могу о нём пока что рассказать. Пока что. Никто не знает, по какому критерию он отбирает людей, чтобы придти к ним, притащив за собой длинный хвост ковровой дорожки из Осеннего Дворца, устланного великолепием листоплодья. Также мне неизвестно — удача или несчастье кроется в том, что сэр Утье решил явиться именно ко мне в столь поздний час, но опасаясь, что он от меня уже никогда не отстанет.

Для начала позвольте мне описать сего господина: короткие лохматые волосы торчат из-под тёмно-серого капюшона обрывками русой соломы, глазки тёмные, блестящие, перекатываются и стреляют невпопад, словно слева направо перегоняют либо Вселенные, либо лёд дорог и свет морских пустынь. Буханг неряшлив, пожалуй, даже более, чем скотинка, что, впрочем, совсем не мешает ему оставаться внутренне чистым и прекрасным, неся миру свет, добро и просветлённые откровения. В общем-то, весёлый он, этот Утье.

Он обучал меня странному ритуалу. Называется «заговор мокасин». Достаточно купить пакетик перловой или пшённой крупы, разбавить водой, добавить соли и перца, присыпать сушёными огурчиками и всё это засыпать в качестве портяночного рассола в собственные мокасины, сделанные индейцами из подкорковых слоёв мозгового дерева Илум-тум, нашёптывая вовнутрь мокасин таким способом, чтобы доносились лишь отзвуки мокрого ветра: «Мокасины, мокасины, моё тело из резины, я до ветра доберусь и зайду в замшелый груздь». После выполнения этих шагов в строго указанном порядке мокасины считаются заговорёнными, а ты, весь такой радостный, развесёлый и самоуверенный, носишь илум-тумовые мокасины, доверху набитые воистину наваристой кашей.

Мы с господином Утье — друзья. Он потащил меня на стадион, чтобы смотреть новое правое светопредставление. Проблема была в том, чтобы распрощаться с метелью, которая принципиально не могла меня отпускать в таком виде на стадион — ватный тулуп, каска строителя, маска газосварщика на лице и высокогорные ботинки со встроенными кошками для преодоления особо упорных препятствий на пути к успеху. Но я всё же вырвался и пошёл.

Внезапно из уборной донёсся невообразимый грохот — оказалось, что кроты прорыли под ванной ход и репетируют балетное представление в честь дней наших насущных. Удерживающая дверка шкафа мешала плечу обрести столь желанную свободу, и я, истратив, пожалуй, полтонны нервов и разнообразных волнений, оттолкнул шкаф ногой, вытянув дверку далеко

вперёд. Я забрался сэру Утье в седло, расположенное где-то между десятым и тринадцатым позвонками.

И тут началась погоня, коей не было видно конца. Шкаф разогналса до скорости ста двадцати миль в час, и бедному сэру Утье было очень некомфортно вытягиваться с такой же скоростью. Позвонки Буханга делились почкованием, а глазастые крылья изумляли своим величием, хлёстким, как пощёчина. Буханг летал в космос, чтобы участвовать еженедельно в составе Лунно-Марсианской сборной по завязыванию бантиков, устраивающей свои подпольно-песенные ристалища между пиратских пирогов бабушки Диссомлии. Не снилось такое даже в Кордильерах. Утье свернулся улиткой, пьяной и без усиков, но одетой по последним понятиям моды. Галоперидол был ей обеспечен. Шкаф разгонялся соломенными стручками, он гнал ворон и валил напролом, словно трактор. Его деревянные стержни были усеяны клешнями дорог, а небо хрипело внезапно образовавшимся басом.

И коленвала шкафа не хватило буквально на пару десятков сантиметров — вдруг он развалился, вспыхнув синим пламенем, словно суицидальная спичка, горящая в честь великих побед всех тех, кто решил посвятить себя исследованию северных широт. Тогда стадион открылся, а мне и моему Утье Бухангу в коллапсирующей проекции осталось лишь внимать новым правилам игры: сначала на поле вышли боевые слоны. Они маршировали, а их капюшоны были обращены вовнутрь гигантских фонариков, спрятанных в тисках у жонглёра-дрессировщика. Он был невменяем, невнятен и велик. Жонглёр менял слоников, словно перчатки, слоники грустно улетали в небеса и распухали там от старости одноцветными лилиями.

Голова шла врозь с телом, а глаза вылазили из орбит в удивлённом исступлении: появился генератор-модификатор, он сначала обращал вещи в мирские чудеса, и теперь вынужден был идти работать на сцену трассировочным регулировщиком. Мерцали ядерные шары, и в бликах матерчатых сердец лицезрел Утье только что очерченные круглые очки. Утье громко закричал: «Панда-вот! Панда украл мои любимые очки и тапочки! Ловите панду!» Зрители принялись гоняться за пандой, поднявшись в воздух в левитационных чалмах, но куда там — он уж был далеко под куполом, источая фиолетовое пламя.

Один из зрителей оказался архетипом и быстро ввинтил панде шуруп в зад трёхплазменным зарядом из ружья, отчего панда мигом свинтился вниз по спирали и, раскланявшись, отдал очки, превратив ввинченный в заднюю часть шуруп в чистейшее золото.

Утье раскрылся. Из него выползла гусеница железнодорожного состава. В недрах Утье можно было также добыть наряд полиции, начищенные до блеска штанины гражданина Широкого и лапти, покрытые дёгтем или смолой — неведомо, кто разобрать-то может. Утье Буханг пришёл ко мне, чтобы разлететься в клочья, и из него вылезали свежие помидоры, они пели мне песни

весны, песни солнца и песни плясок, они радовались тому очарованию, какое на всех оставлял, словно плед, сэра Буханг. Он был в полосочках, и полосочки эти качали мышцы по утрам, словно водные лилии, намылившиеся превратиться в хищных Венериных ловушек, занесённых на Землю с Венеры.

Утье приобрёл новый облик, он всегда покупал себе обличья на базаре, причём по дешёвке, да ещё и со скидкой, наверное. Сейчас у него был острый горбатый нос, вываливающаяся наружу нижняя губа, соль, насыпанная в занавески летней резиденции, иступлённые чёрно-цыганские очки, взведённые долу, и мозаичный костюм зайчика с крылышками. Утье упорхал. Оставил меня в покое.

*Белоусов Роман,
28 августа 2010 года.*